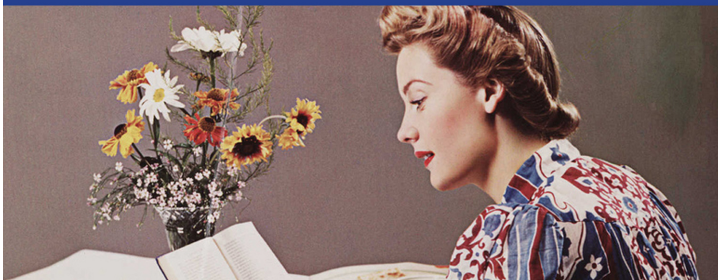

Галина Щербакова

Эмиграция по-русски...

ФТМ

Галина Николаевна Щербакова

Эмиграция по-русску...

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184168

Кто из вас генерал, девочки?: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-4467-1912-9

Аннотация

«Я знаю ее, сколько помню себя. Теперь мне даже кажется, что она появилась в моем детстве не случайно. Она своим явлением как бы запустила ход механизма осознания меня собой, с чего все и пошло-поехало, а не возникни она тогда – где бы я была сейчас? Может, в каком-нибудь дурдоме пускала бессознательную слюну, а может, кем-то другим запустился ход моих клеток и я стала бы Раисой Горбачевой или Эдитой Пьехой? И не бежала бы я сейчас, как идиотка, через этот чертов овраг на Звездном бульваре, а тыкала бы в жизнь нежным пальчиком: с какого, мол, боку тут вкуснее и мягче?..»

Галина Щербакова

Эмиграция по-русску...

Я знаю ее, сколько помню себя. Теперь мне даже кажется, что она появилась в моем детстве не случайно. Она своим явлением как бы запустила ход механизма осознания меня собой, с чего все и пошло-поехало, а не возникни она тогда – где бы я была сейчас? Может, в каком-нибудь дурдоме пускала бессознательную слюну, а может, кем-то другим запустился ход моих клеток и я стала бы Раисой Горбачевой или Эдитой Пьехой? И не бежала бы я сейчас, как идиотка, через этот чертов овраг на Звездном бульваре, а тыкала бы в жизнь нежным пальчиком: с какого, мол, боку тут вкуснее и мягче?

А с другой стороны, если по-честному... На хрена? Тем более сомневаюсь я очень, что эти мною упомянутые дамы так уж действуют нежным пальчиком. Под каждой крышей соответственные мыши. Я обожаю эту притчу о котомках с горем. Припер их народ нашему Богу, кто-то ему, народу, сказал, что Бог разрешил: «Пусть приносят свое горе». Свалили люди свое горе под царские ворота и рванули домой. Но случилась какая-то незадача, и Бог велел вернуть людей, чтоб они назад забрали свои котомки. И вот народ ринулся обратно к воротам и стал разыскивать каждый свой мешок. Не то что кто-то принес большой, а норовил схватить малюсенький. Нет! Каждый отыскивал свое горе.

Для меня в этой притче – все. Вся человеческая природа. Хоть какое – но мое. Я сама такая. А то, что такая, это точно оттого, что мы с ней в детстве встретились. И теперь у нее заболит – у меня тоже, она подумает, а я начинаю бежать в том направлении, которое в ее сером веществе смутно сложилось в какой-то образ дороги.

У нее – образ. А я бегу...

Первое воспоминание такое. Мама ладонью черпает воду из корыта, которое стоит у стока с крыши. В нем копится дождевая вода «для головы». «Для лица» и тем более «питья» вода эта не годится никоим образом – пойдешь пятном, изойдешь рвотой, ибо – какой отвратный союз! – ибо именно в дождевой воде набирает вредную силу ржа. Ржавчина, значит. Почему она там набирает силу? Где это записано? Кто это сказал? На эти вопросы ответов не будет.

И вот, несмотря на все это – что уже непостижимо, – моя собственная мама, грубо взбаламучивая воду, умывает меня из запрещенного корыта. Для такого нарушения правил жизни должно же что-то произойти? Должна же быть причина? Причина стоит, можно сказать, на глазах. Это толстая девочка с большими и немигающими буркалами. Я до сих пор не отвечаю на вопрос: красивые они у нее или нет? Широкие, высокие и вперед – глаза. Цвет – гидроново-серый. Ресницы – на вид – колючие, жесткие и как деготь. Абсолютно не требуется красить. Ощущение грубой накрашенности есть изначально. И даже возникает мысль: накрасилась небрежно,

комками и теперь боится сморгнуть, не мигает, а у другого, глядя на нее, начинает пищать слеза от ее будто бы напряжения, которого на самом деле у нее-то нет!

«Да не глазливая я, не глазливая!» Это ей надо всю жизнь повторять, объясняя свой тяжелый немигающий взгляд, особенно в тех случаях, когда ей предъявляют маленьких детей. И я тоже всю жизнь подтверждаю это. Не глазливая. Верно. Наоборот! То есть наоборот – не то слово, она и хорошего ничего не может, не в том смысле, конечно, что не может – не хочет, стерва, мол, а в смысле не обладает какой-то там экстрасенсной силой. В общем, глаза ее – камень преткновения в знакомстве. Почему они такие? Это ведь каждому объясни, а я сама не знаю, но говорю: бояться ее глаз не надо. Не опасно. Просто такие глаза. Возвращаюсь в детство. Мама сказала мне тогда, после дождевой воды:

– Ганя! Дружи с девочкой. Видишь, на ней все чистое и сидит как на человеке, а тебя как в ступе толкли.

Я подошла и ткнула ей пальцем в глаз, так он меня, ребенка, вывел из себя. Собственно, сам этот факт ткновения я не помню. Но история – как это говорится? – передавалась изустно. В ней фигурировали две девочки – чистенькая и грязная. Сказочной метаморфозы тут не было и даже не подразумевалось. Грязная оказывалась и дрянью. Это она ткнула пальцем в глаз чистую. Хорошо еще, что ее мама перед этим вымыла ее лицо и руки дождевой водой, а то ведь могла и инфекцию в глаз внести. Ганя эта – я значит – была за-

труха будь здоров. (Я уже теперь полезла в словари, почему затруха? Быть затрухой – быть обсыпанной?) У мамы понятие было шире. Мамино понятие приближалось по внутренней глубинной сути скорей к затраханности. Это уже сегодня понятно всем: «меня затражали». И не надо лезть в словари. Достаточно посмотреть на человека. Но мама все-таки говорила – затруха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.